

Иванов Аркадий Фёдорович [24.1(5.2).1882, Петербург, - 25.10.1918, станция Кольчугино под Томском], русский революционный деятель. Член Коммунистической партии с 1903 года. Родился в семье ремесленника, воспитывался в доме критика и историка литературы [А. М. Скабичевского](#). Окончил [Царскосельскую гимназию](#) (1902), учился на физико-математическом факультете Петербургского университета. Активный участник Революции 1905-07; в июне 1906 редактор большевистской газеты "Северная земля". Вёл партийную работу в Гомеле. В 1907 член Одесского комитета РСДРП. Был делегатом 5-го съезда РСДРП (1907). Неоднократно подвергался арестам. Революционную деятельность продолжал в ссылке. После Февральской революции 1917 возглавил народную милицию, затем председатель городской продовольственной управы в Томске. С января 1918 комиссар Томского отделения Госбанка. Член Сибирского ЦИК, член советской делегации по переговорам со штабом поднявшего мятеж Чехословацкого корпуса. Расстрелян белогвардейцами [/1/](#).

Ниже приводится статья (с сокращениями) томского журналиста Евгения Фролова "Семья", в которой приводятся воспоминания дочери А.Ф.Иванова Лидии* Аркадьевны Ивановой-Левиной о своем отце. В [полном варианте статьи](#), опубликованном на сайте томской "Вечерней газеты" [/3/](#), Лидия Аркадьевна рассказывает также о своей судьбе и судьбе мужа. Революционные заслуги отца не спасли ее семью от сталинских репрессий, ее муж - зам. наркома легкой промышленности был расстрелян в 1938 году, а Лидия Аркадьевна получила 5 лет лагерей, как "Член семьи изменника родины".

Евгений Фролов

СЕМЬЯ

Некоторое время назад мне довелось встретиться с москвичкой Любовью Аркадьевной Ивановой-Левиной. Вместе с внучкой Катюшей приехала она в Томск, в город, где родилась, в город, тесно связанный с судьбой ее родителей.

Есть в Томске улица, названная в честь **Аркадия Федоровича Иванова** - ее отца, установлен памятник выдающемуся революционеру. О жизни этого человека написано немало, а вот о родных и близких ему людям знали мы до недавнего времени гораздо меньше.

Мысль еще раз вернуться к судьбе А.Ф. Иванова родилась, когда в гостиничном номере слушал я воспоминания Любви Аркадьевны, которые легли в основу этого очерка. Только теперь это будет рассказ о семье Ивановых, о людях, посвятивших себя революции, и их дочери, жизнь которой в чем-то удивительным образом повторила их жизнь и послереволюционную биографию страны.

...За окном, в вечерних сумерках, неслышно падал снег. Дежурный офицер контрразведки, задумчиво побарабанив пальцами по заиндевевшему стеклу, вдруг резко повернулся на легкий скрип открывшейся двери. На пороге стояла молодая женщина. Бледное лицо с запавшими от усталости глазами, застывший взгляд, в котором отчаяние, решимость и боль.

- Что вам угодно?

- Я прошу выдать мне тело расстрелянного моего мужа, - глухо сказала она.

- А кто, простите, ваш муж, мадам?

- Иванов. Аркадий Федорович Иванов.

Пауза затянулась. Офицер внимательно разглядывал стоявшую перед ним женщину.

- Но ведь я могу приказать арестовать вас. Идет война, а мы с вами - враги, - наконец сказал он.

- Я знаю. И все же прошу выдать тело моего мужа, - упрямо повторила женщина.

Офицер в молчании прошел по комнате, потом сел за стол, подвинув к себе стопку бумаги.

- Ваше имя, мадам?

- Иванова Анна Андреевна.

Из-под пера быстро бежали строчки: "Г-же Ивановой главным начальником 1-го Ср. Сиб. армейского корпуса разрешается перевезти тело мужа Аркадия Иванова, убитого в Кольчугино при попытке к бегству...".

Утром ее посадили в сани, отвезли в лес. Из мерзлой земли вырыли гроб. На месте перезахоронения Анна Андреевна установила небольшой деревянный столбик с железной табличкой "Аркадий Федорович Иванов. Расстрелян 25 октября 1918 года".

Его жизнь оборвалась в первую годовщину Октября.

- Анна Андреевна, моя мама, нередко приезжала в Томск. После одного такого приезда она написала письмо Е.К. Лигачеву, в котором рассказала, что хотела бы увековечить память Аркадия Федоровича Иванова.

Было принято решение о сооружении памятника и переименовании улицы. На улице, которая стала носить имя моего отца, когда-то располагалась женская тюрьма. Проходишь прямо по коридору нижнего этажа, и последняя комната направо - камера, в которой содержалась Анна Андреевна и где я родилась.

Памятника она не дождалась, и после ее смерти завершать начатое довелось уже мне. Привезла архивы моих родителей, их письма, документы. Приезжала с внуками и сейчас привезла внучку Катю. Годы мои, увы, уходят, и напоследочек захотелось снова побывать в городе, который так много значил в судьбе моей мамы и отца, подышать этим воздухом. И внучка пусть посмотрит...

В Колином бору - небольшом леске в полутора верстах от [Нарыма /5/](#)- Первого мая по традиции собирались политссыльные. Маевка с горячими выступлениями, пением революционных песен завершилась вечером домашним концертом. Аркадий Иванов изумительно читал Блока и Брюсова, а Валериан Куйбышев играл на мандолине.

На следующий день нарымский пристав отправил донесение томскому губернатору: "Ссыльные приблизительно в версте от города собрались вместе, водрузили два красных флага и устроили нечто вроде митинга с произнесением речей возмутительного характера". Вскоре в Нарым прибыл жандармский отряд, участники Первомай, среди которых были Аркадий и Аня Ивановы (у них при обыске нашли запрещенную литературу), оказались под арестом. В Томск их везли пароходом "Колпашевец" в тесном, забитом рыбой трюме.

...По привычке, приобретенной в тюрьмах, Аркадий Федорович времени даром не терял, упорно занимался химией, английским языком. Но в мыслях его билась тревога: как Аня, ведь она ждет ребенка?

Рожала она на грязных нарах, в темной и холодной тюремной камере. Священник Николаевской церкви томской тюрьмы окрестил новорожденную. Девочку назвали Любой. Любанюшкой.

После суда политссыльных вновь отправили в Нарым...

- Конечно, я очень смутно помню отца. Хотя отдельные моменты сохранились в памяти. Помню, как рано утром - это уже в Томске, сразу после революции - он пришел с работы сильно уставшим. Лег на деревянный топчан, уснул. Я встала и подошла к нему. Помню, как прикоснулась к его плечу, лицу.

Был в жизни нашей семьи и такой тяжелый эпизод. Группа жителей Томска обвинила отца в том, что у него, председателя продовольственной управы городской думы, хранятся большие запасы продуктов. Голодные и возбужденные женщины пришли к нам с обыском. Я запомнила его в этот момент. Отец был абсолютно спокоен, никого не разубеждал, не упрашивал. Сама убогая обстановка нашей квартиры говорила о том, что здесь не роскошествуют.

И еще одно воспоминание: мама стояла у окна и плакала. Позже я узнала: ей сообщили, что отец расстрелян...

Разносторонним, талантливым человеком был Аркадий Федорович Иванов. Превосходно знал математику, проявил незаурядные способности публициста и редактора, бесспорно, обладал даром организатора. Воспитание он получил в доме известного в конце прошлого века литературного критика Александра Михайловича Скабичевского - человека широко образованного, придерживавшегося либеральных взглядов. Часто бывал в кругу гостей, собиравшихся по понедельникам у Скабичевских на музыкальные вечера. Впрочем, говорили здесь не только об искусстве. На "понедельниках" велись разговоры и на темы, волновавшие всю мыслящую Россию, - о политике, о положении в стране.

Строго говоря, путь в революцию Аркадия Иванова особенным не был. Его биография мало чем отличается от судеб русских интеллигентов, избравших целью жизни свободу народа. Еще в гимназии - чтение марксистской литературы, Санкт-Петербургский университет и участие в социал-демократической группе, вступление в РСДРП и подпольная деятельность. И, конечно же, аресты и тюрьмы - профессиональные "издержки" людей революции.

Впервые он оказался за решеткой в 1903 году. В знаменитых недоброй славою петербургских Крестах. Ему предъявили обвинение в принадлежности к противоправительственной организации. Но и находясь в тюрьме, Иванов внимательно

следил за политической ситуацией, борьбой товарищей по партии. Помогал ему в этом Александр Михайлович Скабичевский, регулярно снабжавший племянника газетами, книгами и журналами. Рассказывали, что Скабичевский как-то не без гордости заявил: "Нынче в России все порядочные молодые люди проходят через тюрьму".

За семь лет нелегальной работы в Петербурге Аркадий Федорович арестовывался шесть раз. Почти ежегодно несколько месяцев находился в заключении. И всякий раз, выходя из тюрьмы, возобновлял свою легальную политическую деятельность, подпольную работу. Он был редактором петербургской ежедневной газеты большевистского направления "Северная земля", пропагандистом в Белоруссии и Одессе, участвовал в работе V (Лондонского) съезда РСДРП, где познакомился с В.И. Лениным.

В очередной раз его арестовали в апреле 1910 года. Особое присутствие признало "пребывание Иванова А.Ф. в европейской части России весьма вредным для общественной безопасности". Этот документ скрепил своей подписью сам П.А. Столыпин!

На четыре года под гласный надзор полиции Аркадий Федорович был сослан в [Нарым...](#)

<...> Июньским днем 1911 года к нарымской пристани пришвартовался пароход "Братя Колесниковы". Из трюма в сопровождении охраны выходили вновь прибывшие ссыльные. Вместе со всеми сошла с трапа молодая, лет 17, девушка. В разговоре со случайно встретившимся ей на улице Валерианом Куйбышевым назвалась Аней.

Ее мать была финкой, а отец - обрусевшим греком. Родилась Аня в Выборге и уже совсем юной работницей табачной фабрики Якобсона примкнула к рабочему движению. Хранила дома нелегальную литературу и шрифт для подпольной типографии, носила тайком в солдатские казармы листовки.

Подполье было провалено провокатором. Почти полтора года она провела в тюрьмах и вот теперь была этапирована в Нарым.

В ее судьбе еще будут трудные годы послереволюционной работы в Томске, Омске и Новониколаевске, IX и X съезды партии, где она встретится с В.И. Лениным, советское торговое представительство в Финляндии, работа в Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б).

А пока - сибирская глухомань, "тюрьма без решеток" - Нарым...

<...> Одно дело - университет в Петербурге или, скажем, в Томске - научные лаборатории, аудитории, библиотеки, профессура с европейскими и мировыми именами. Другое дело - здесь, в Нарыме, за тысячи верст от центра. И все-таки "университет" в Нарыме действовал. Куйбышев читал историю России и географию, В.Н. Яковлева - историю культуры, Аркадий Иванов вел математику и черчение. Кроме того, для ссыльных, имевших только начальное образование, была открыта общеобразовательная школа, которую стала посещать Анна. Аркадий Федорович преподавал здесь арифметику и русский язык.

С Аней он теперь занимался ежедневно: девушка еще плохо говорила по-русски, с акцентом, с трудом подбирая слова. Но соединяли их теперь не только уроки.

На свадьбу он подарил своей юной жене часы, выигранные в лотерею: строгий прямоугольник из горного хрусталя с небольшим шаром, в котором вмонтировано маленькое серебряное зернышко. Вручая подарок, Аркадий пошутил:

- Одно из главных положений марксистской философии - всегда и во всем следует искать рациональное зерно.

Они были молоды и верили в скорую победу революции...

<...> "Дорогие мои! Я за работой могу забыть, постоянная кипучая жизнь, полная общения самого разнообразного рода с массами людей... Ануся, я уже говорил тебе, что у тебя богатый дар беллетриста и ты напрасно губишь в себе свои способности. Ты любишь Любку, напиши ей сказку. Ты любишь меня, напиши мне рассказ, ты ненавидишь кого - обрисуй его бесстрашно. Но пиши, пиши, пиши..."

"У меня дома живет большая собака, которую зовут Маркиз. Собака очень ласковая, и мы живем с ней дружно. Надеюсь, Любанюшка, что ты тоже подружишься с Маркизом и мы вместе будем гулять по городу..."

Это - строки из писем, присланных Аркадием Федоровичем из Томска, куда он перебрался после ссылки, остававшимся еще в Нарыме жене и дочери. Ответ не заставил себя ждать.

"Родной мой! Как мне без тебя тоскливо, Любанюшка наша все тебя вспоминает. Как только услышит слово "пароход", так сразу и кричит не своим голосом: "К папе". Ну да ладно. Ждать осталось уже недолго. А потом навсегда вместе".

А ему оставалось жить еще три года. Три года, вместившие в себя работу в Военно-социалистическом союзе и в исполкоме Томского Совета рабочих и солдатских депутатов, на постах комиссара Томского отделения Государственного банка республики и комиссара финансов Центросибири.

Именно А.Ф. Иванову было доверено вести переговоры с руководителем чехословацкого мятежа генералом Гайдой. К концу его короткой и яркой жизни судьба послала ему испытание, ставшее проверкой верности идее, высочайшим напряжением сил и духа.

Иванова арестовали в Красноярске, когда он вместе с делегацией возвращался с переговоров.

"Прошу тебя - не обольщайся надеждами на благополучный исход нашего положения, - писал он из красноярской тюрьмы жене. - Я глубоко уверен, что другого исхода быть не может".

По требованию томской контрразведки (к тому времени Советская власть в Томске пала) его увезли из Красноярска. В томской городской тюрьме Анне разрешили свидание с мужем. Аркадий Федорович был спокоен, хотя в предыдущее утро его уже перевели в камеру смертников. Он просил подвести к тюрьме дочь, чтобы глянуть на нее из окна.

А потом ей передали конверт с вчетверо сложенным листком. За несколько часов до казни Аркадий Федорович написал: "Я спокоен. И только одна у меня к тебе, Аня, просьба: будь тверда. Что бы ни получилось, не сетуй и не горюй".

Крупными печатными буквами он вывел последнее наставление дочери: "Золотая моя, слушайся маму. Заботься о ней...".

- Я нередко задумываюсь о том, почему в истории Октябрьской революции, которой отдавали силы и помыслы сотни тысяч лучших людей России, оказалось столько страшных страниц? Трудно ответить, еще тяжелее и горше сознавать это.

Но я не могу отказаться от всего того, что случилось с моей страной. Я не могу отказаться от Коммунистической партии Советского Союза, кандидатом в члены партии я вступила еще в 1936 году и в тюрьму пришла с кандидатским билетом. Уже в шестидесятых, после реабилитации, я стала членом КПСС и продолжаю им оставаться. Я не могу отказаться от того, за что погиб мой отец, чему посвятила жизнь моя мать.

Нет, я не буду спорить и переубеждать людей, которые отрекаются сейчас от нашего, пусть и горького, прошлого. Мне бы в них, во внуках моих и правнуках Аркадия Федоровича и Анны Андреевны, сохранить все то, что было заложено во мне моими родителями. И очень хотелось бы дожить до того, когда возродится чистый и светлый дух нашей революции.

При подготовке очерка использованы материалы журналистки Л.Р. Пинчук и Томского областного партархива.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. [Большая Советская энциклопедия.](#)
2. Вечная слава, М., 1967.
3. [Евгений Фролов. "Семья". "Красное знамя", 1987 год. \(Сайт газеты "Вечерний Томск"\)](#)
4. Список выпускников // Краткий отчет об Императорской Николаевской Царскосельской гимназии за последние XV лет ее существования. (1896-1911). Спб., 1912.
5. [Нарым - город ссыльных.](#) Сайт "[Справочники Алексея Трофимова](#)".
6. Пинчук Л.Р. Аркадий Иванов. М., Политиздат, 1990-144 с. 90-2/309, 4 л. илл.

*= правильно Любви